

Изъ исторіи половщинскаго раскола.¹⁾

Въ Синодальной канцеляріи Епифаній показаль, что „хотя онъ и многократно былъ склоняемъ Львовскимъ епископомъ Шептицкимъ на унию, однако оной не принялъ и поѣхаль снова въ Лисянку, а оттуда въ Москву, съ намѣреніемъ просить у Св. Синода милостиваго въ винахъ своихъ прощенія; но на дорогѣ, въ с. Поддубновкѣ, поймалъ его Густынскаго монастыря игуменъ Гавріилъ Леопольскій и отослалъ въ Кіевъ, откуда взяли его въ Москву. По отрѣшеніи Св. Синодомъ неправильно восхищеннаго имъ, Епифаніемъ, епископскаго сана, во всемъ ономъ своемъ бѣгствѣ ни по архіерейски, ни по іеромонашески нигдѣ онъ не служилъ, и епископомъ себя не называлъ, а что нѣкоторыя въ Переяславлѣ, до архіерейскаго служенія принадлежащія, вещи при немъ были, а именно: омофоръ луданчый, желтаго цвѣта, митра суконная, красная, съ серебряною выставкою, и служебникъ, то тѣ вещи не съ такимъ намѣреніемъ онъ возилъ съ собою, чтобъ по архіерейски служить, но для того, чтобы ихъ отдать въ Польшѣ въ который-нибудь монастырь“. Въ заключеніе Епифаній заявилъ, что сказалъ онъ „сущую правду“. Тѣмъ не менѣе поведеніе его въ арестантскомъ отдѣленіи при Синодальной канцеляріи, или по тогдашнему названію „въ бѣдности“, даетъ поводъ сомнѣваться въ справедливости его показанія о томъ, что будто бы, во время своего бродяжничества по правобережной и лѣвобережной Малороссіи, онъ не служилъ ни по архіерейски, ни по іеромонашески. Именно 2 го іюня 1732 г., содержащійся вмѣстѣ съ Епифаніемъ подъ арестомъ, бывшій архимандритъ Казанскаго Спасопреображенскаго монастыря Питиримъ „извѣтомъ“ объявилъ, что „монахъ Епифаній,

¹⁾ См. Труды Кіевск. Дух. Ак. іюнь, 1909 г.

пришедъ къ нему съ ножемъ въ рукѣ, бранилъ его, Питирима, называлъ собакою и говорилъ, якобы онъ, Питиримъ, съѣлъ Казанскаго архіерея, и что лучше бы ему умереть, чѣмъ честь его, Епифанія, испразднить; онъ же, Епифаній, приходящихъ къ нему всякаго званія и чина людей благословляетъ и отправляетъ въ епатрахили часы по должности священнической“. По существу „извѣта“ Епифаній ни въ чемъ не сознался; заявилъ только, что когда Питиримъ въ происшедшемъ между ними спорѣ называлъ его „жидомъ“, то и онъ, въ отвѣтъ на это, называлъ Питирима „людомъ“, въ виду того, что Питиримъ арестанту іеродиакону Александру „переломилъ ребро“, а дьячка Андрея Волостковскаго „билъ въ шею“. На допросѣ и на очныхъ ставкахъ обвиняемаго съ обвинителемъ и свидѣтелями выяснилось, что Епифаній вышеприведенныя слова о Казанскомъ архіереѣ Сильвестрѣ дѣйствительно говорилъ и приходящихъ къ нему людей благословлялъ. „Объ этой новой продрзости“ Епифанія Синодальная Московская канцелярія сообщила вѣдѣніемъ отъ 13-го іюня Св. Синоду, который 8 го января 1733 г. постановилъ: „оного монаха Епифанія Яковлева, по учиненіи ему въ Москвѣ жестокаго плетью наказанія, отослать, на его коштѣ, въ Соловецкій монастырь, за крѣпкимъ карауломъ, и тамъ содержать всегда скована, отнюдь не выпуская изъ монастыря“. О такомъ опредѣленіи было сообщено Московской Синодальной канцелярії вѣдѣніемъ отъ 9-го января. 13-го февраля, „при крѣпленіи протокола отъ 8-го января“, первенствующій членъ Синода, архіепископъ Новгородскій Теофанъ Прокоповичъ, заявилъ Св. Синоду, что назначенное Епифанію наказаніе не соответствуетъ степени его вины; ибо монахъ этотъ не только не вразумился прежде оказанною ему милостію, но, „уничтожа и презря оную“, бѣжалъ изъ Соловецкаго монастыря, а потому заслуживаетъ тяжкаго наказанія. Синодъ согласился съ мнѣніемъ своего вліятельнаго члена, и 27-го февраля постановилъ: „Синодальное 8-го января о выше-

упомянутомъ монахѣ Епифаніѣ опредѣленіе отмѣнить, и его, Епифанія, паки въ Московскую Синодальную канцелярію возвратить и, по возвращеніи, за продерзости его, монашескаго сана лишить и, съ прописаніемъ всѣхъ винъ его, отослать въ свѣтскій судъ, для ссылки въ Сибирскіе горные заводы въ вѣчную работу“¹⁾).

Прежде чѣмъ состоялось послѣднее опредѣленіе Св. Синода о Епифаніѣ, Московская Синодальная канцелярія приводила въ исполненіе первое; Епифаній былъ наказанъ плетью и отправленъ въ Соловки 6-го февраля подъ караваномъ двухъ солдатъ—Николая Лунандина и Семена Честнаго, а 17-го февраля былъ отбитъ отъ конвоя „воровскими людьми“, какъ показали названные солдаты и Ярославскаго Яму ямщикъ Иванъ Малыгинъ въ Ярославской провинціальной канцеляріи 18-го февраля „извѣтомъ въ допросахъ и съ очныхъ ставокъ“. Именно они показали, что наканунѣ, 17-го февраля, колодника старца Епифанія отбили у нихъ воровскіе люди въ Коломнинскомъ лѣсу (а не Коломенскомъ, какъ въ „Опис. док. и д., хран. въ арх. Св. Синод.“, т. IV, стр. 403, и у преосвящ. Макарія въ „Ист. рус. раск.“, стр. 302), при чемъ били ихъ и увѣчили и 12 руб. прогонныхъ денегъ отняли²⁾. Между тѣмъ другой ямщикъ, 14-лѣт-

¹⁾ О ходѣ дѣла Епифанія въ 1732 г. см. П. с. л. и р. по вѣд. прав. исп., т. VII (1733—1734 гг.). Спб. 1898 г., № 2674, объ учиненіи монаху Епифанію Яковлеву Ревуцкому наказанія плетью и объ отсылкѣ его въ Соловецкій монастырь, для содержанія всегда скованнымъ и безъ выпуска изъ монастыря, отъ 8-го января, и № 2693, отъ 22 февраля, объ отмѣнѣ прежняго синодальнаго опредѣленія и замѣнѣ онаго лишеніемъ монашества и отсылкою Епифанія къ свѣтскому суду, для ссылки въ Сибирскіе горные заводы на вѣчную работу. Опис. док. и д. хранящ. въ арх. Св. Синод. Т. IV, ст. 492.

²⁾ Деревня Коломнино, по имени которой назывался лѣсъ, вправо отъ большой Ярославско-Вологодской дороги, на границѣ

ній Дмитрій Ивановъ „въ разспросѣ и съ очной ставки“ показалъ, что „объявленнаго де колодника означенные солдаты Лупандинъ съ товарищемъ везли нескованнымъ и отпустили своею волею, а воровскихъ людей они не видали“. Показаніе послѣдняго относительно того, что Епифаній на пути въ ссылку не былъ закованъ, какъ требовалось данной изъ Синодальной канцеляріи инструкціей, подтвердили сотникъ и староста д. Рѣшетниковой, въ которой ночевали солдаты вмѣстѣ съ Епифаніемъ наканунѣ его бѣгства. Солдаты и ямщики, какъ водилось, отправили въ Сыскной приказъ „для подлиннаго слѣдствія“, но и здѣсь на пыткѣ первые трое говорили тѣ же рѣчи; Честной на пыткѣ и умеръ. Дмитрій Ивановъ отказался здѣсь отъ прежняго своего показанія, заявивъ, что давалъ таковое „изъ заустрасія“, а того монаха подлинно отбили воровскіе люди, и это послѣднею утверждалъ „съ троекратнаго битія плетьюми“.

Результаты слѣдствія о бѣгствѣ Епифанія изъ подъ караула изложены въ указѣ Св. Синода епархіальнымъ архіереямъ, отъ 30-го марта 1733 г., о поимкѣ во всѣхъ монастыряхъ и пустыняхъ и присылкѣ въ канцелярію Синода колодника старца Епифанія. Здѣсь же описываются и его примѣты: „А ростомъ оный Епифаній приземистъ, толстъ, въ лицѣ широкъ, блѣденъ, глаза сѣрые, волосы на головѣ и бородѣ черные, съ сѣдиною, борода широкая и продолговатая“.

О томъ, при какихъ обстоятельствахъ попалъ Епифаній въ руки раскольниковъ и потомъ очутился на Вѣткѣ, рассказываетъ онъ самъ въ письмѣ съ Вѣтки къ Киевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, отъ 30-го марта 1734 г.

Ярославскаго и Романовскаго уѣздовъ. Лѣсъ и волокъ начинаются верстахъ въ 18 отъ Ярославля. Мельниковъ, Ист. очерки поповщ. 1, 114—115.

Между прочимъ здѣсь онъ писалъ: „возвѣсти о мнѣ окаянномъ Св. правит. Синоду о неизглаголанномъ бѣдствіи моемъ и странничествѣ, и что подъяхъ отъ разбойниковъ, и то еще сохранилъ мене Господь Богъ отъ наглої смерти. И быеніе немилостивое отъ нихъ претерпѣлъ и рани, и до пинѣ стражду въ болѣзни той и дыхати не могу, и насилу до церкви изъ келіи перейду, и такъ начуюся, что сія болѣзнь до кончины моея случися мнѣ. И то еще послалъ мнѣ Богъ человѣка изъ Москвы, за мною ѣхалъ путемъ, и увѣдалъ о моемъ окаянствѣ, якого я чиню человѣкъ, и тимъ разбойникамъ огласивъ мою персону, теди они перестали ми бити и мучити. А сіе мнѣ прилучилося за градомъ Переяславлемъ, за рѣкою Волдою, перейхавши уже верстѣ больше тридесяти; и оттоли везли мене связанного днемъ и ночью у саняхъ рогожами прикрытаго, и тако подъяхъ неизглаголаніи бѣди больше двоихъ недѣль; а когда завезли мене на Полѣся и, обнаживши, оставили мя въ нощи при двоихъ келіяхъ, идеже пустынники, старци русскіе, живутъ, съ которыми старцами прежилъ я тамо недѣль болше десятка, въ пустынѣ той. Приспѣвшу же празднику Преображенія Господня единъ отъ нихъ, ради исповѣди и причастія, пошелъ на Вѣтку, и тамошней братіи извѣстилъ о мнѣ, теди они, вѣтковскіе старці, безъ отклада, того жъ времени, приѣхавши у тую пустыню, насиліемъ узяли мене, идеже и донынѣ живу на Вѣтки, и по надлежащей моей нуждѣ, чего и ненавижду, то е содѣловаю и *литуриисати убожденъ*. Пожалуй, Бога ради, сотвори милость со мною, промысли о мнѣ, понеже кончина житію моему уже при дворехъ стоитъ. Благоволи свободити меня оттуду, да на своемъ обѣщаніи и животъ мой скончаю. А кто еще сіе писаніе преосвященству вашему донесетъ, буди ко мнѣ и къ нему благостію своею милосердъ. Азъ же за благодѣліе ваше долженъ молити Бога, той да сохранитъ тя отъ всѣхъ враговъ твоихъ на лѣта многа. Еще же и о сей моей крайней нуждѣ

молю преосвященство ваше: ежели изволите по мене послати на Вѣтку якого чловѣка, тотъ посланный да явится первѣе мнѣ самому секретно. А ежели ощутятъ его, или старцы тамошніе или граждане, то и путіе неизслѣдованни будутъ, албо же во внутреннюю пустыню завезутъ мя, или отраву дадутъ, а я уже и безъ того велии немощію обложенъ есмь отъ убійства разбойническаго, отчего усѣхъ вась и въ далніе часы да сохранить Господь Богъ“¹⁾.

Такъ писалъ съ Вѣтки „дознанному благодѣтелю“ своему, Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, „недостойный рабъ и богомолецъ, старецъ Свято-Соеѣйскій Кіевскій, Елифаній Іяковлевичъ Ревуцкій“, какъ онъ подписался на письмѣ, о томъ, какъ попалъ онъ на Вѣтку и въ какомъ положеніи находился тамъ. Письмо это отчасти дополняетъ и уясняетъ намъ тѣ обстоятельства, при которыхъ Елифаній попалъ на Вѣтку, какъ и обращающія по этому поводу свѣдѣнія въ нашей литературѣ, довольно подробно изложенныя главнымъ образомъ П. И. Мельниковымъ въ его „Ист. очер. поповц.“ (стр. 113—119), на основаніи документальныхъ данныхъ, не всегда однако же вполне точно. Такъ, по словамъ Елифанія въ письмѣ къ Кіевскому архіепископу, онъ прожилъ въ пустынѣ около Вѣтки „недѣль боьше десятка“, а затѣмъ около 6-го августа 1733 г. взятъ былъ „насиліемъ на Вѣтку“, гдѣ и жилъ до написанія письма архіепископу Рафаилу Заборовскому, т. е. до 30-го марта 1734 г., и даже *литурисати убожденъ*. Этимъ указаніемъ исправляется та неточность, допущенная Мельниковымъ,

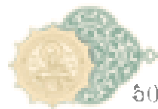
¹⁾ Письмо приложено къ дѣлу Св. Синода о мѣрахъ къ привлеченію бѣлаго чернеца Елифанія Ревуцкаго къ возвращенію въ Кіевъ изъ с. Вѣтки, для отсылки его въ Синодъ. Полн. собр. постан. и расп. по вѣд. Св. Сня. Т. VIII, 1733—1734 гг. Спб. 1898 г., № 2833, стр. 276—277.

категорически утверждающимъ, что первоначально Епифаній жилъ „болѣе года“ не въ самой Вѣткѣ, а въ какой-то пустынкѣ, бывшей не подалеку, и что въ эту пустыньку, провѣдавъ о привезенномъ изъ Ярославля архіереѣ, приходили къ нему старообрядцы и допытывались: кто онъ такой? Откуда? Какого града былъ епископъ? И слыша его малороссійское произношеніе, тотчасъ же спрашивали: „А тебя какъ крестили? Обливали или погружали въ три погруженія?“ (стр. 119—120).

Съ другой стороны, изъ письма Епифанія къ Рафаилу Заборовскому, оказывается, что и къ послѣднему Епифаній стоялъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ, какъ и къ прежде бывшему архіепископу Варлааму Ванатовичу, несомнѣнно благоволившему и покровительствовавшему Епифанію, и велъ съ нимъ переписку раньше 30-го марта 1734 г. Именно въ началѣ письма о своихъ отношеніяхъ къ архіепископу Рафаилу Епифаній говоритъ: „неоднократно уже пишучи до вашего преосвященства о неизглаголанной моей нуждѣ но обаче вашего архіерейскаго любезнаго отвѣту и утѣшенія предѣльному желанію моему отъ многихъ временъ отнюдъ не получилимъ, о такомъ неизвѣстїи, или реку презрѣніи вашемъ, нещую тако, якобы ваше преосвященство будучи во изобилїи славы своея, въ презорство ко мнѣ бѣдному сихъ временъ предложися... Сидевое нещеваніе о вашемъ преосвященствѣ неразумѣваю, понеже естественный характеръ на вашемъ преосвященствѣ возбраняетъ мы сидеваго помилшенія нещевати. Второе же и разсужденіе обрѣтающееся во главѣ вашей воспящаетъ мы, яко отъ сихъ обою извѣстенъ есмь, иже во благообразномъ смиренномудрїи и любви Божественной соестественнѣ ко всѣмъ являешь, и сидевимъ смиренїемъ послушствующія мудрости благородія вашего, человѣка всякого аки магнить къ себѣ привлекаешь. Мене же паче всѣхъ окаяннаго и далече сущаго и страннаго твоею милостїю одолжилъ еси памято

вати...; о семъ во истину благодарю Господа Бога моего, яко у таковаго въ любомудріи величайшаго учителя сподобихся словесъ наказанія полезныхъ слушати и знаемъ быти въ любовь преосвященства вашего, о чемъ хочай въ нуждѣ моей и въ гоненіи, но зѣло усаждаюся, и ваше непреложное и спрѣжде бывшее въ Петербурху ко мнѣ окаянному и окованному нищетою и жельззми, милосердіе твое благое незабвенно и на памяти есть, за что по премногу благодарствую... И, аще Богъ изволить, радъ быть я отъ всея души и отъ всего помышленія моего само и постоянно преосвященство ваше видѣти“.. Въ доношеніи Св. Синоду, отъ 4-го сентября 1734 г., преосвященный Рафаилъ, донося Синоду о полученіи на его имя письма отъ Епифанія, отъ 30-го марта того же года, какъ равно и духовникомъ каедръ Кіевософійской, іеромонахомъ Іаковомъ, категорически отрицалъ болѣе раннюю переписку съ собой Епифанія. По этому поводу архіеп. Рафаилъ писалъ Св. Синоду: „Да онъ же старецъ Епифаній въ писаніи своемъ, на имя мое писанномъ, изобразилъ, же многократно будто до мене о своихъ нуждахъ писалъ, то онъ, Епифаній, ложно на мене ныжайшого тое въ писаніи своемъ написалъ“..., ничего не говоря о другихъ намекахъ Епифаніева письма на счетъ близкихъ отношеній между ними. Возможно, конечно, что, при тогдашнихъ неудобствахъ для сношеній съ частными лицами, письма Епифанія не были получены преосвящ. Рафаиломъ; но врядъ-ли возможно заподозрѣвать искренность Епифанія въ данномъ случаѣ. Вообще это былъ человѣкъ повидному простодушный, безхитростный.

По словамъ преосвященнаго Рафаила, первое извѣстіе о томъ, что Епифаній оказался въ старообрядческомъ притонѣ—на Вѣткѣ, онъ получилъ 12-го іюля 1734 г. отъ Добрянскаго раскольника-слобожанника, Игнатія Кузьмина, называемаго въ другихъ случаяхъ въ документахъ и Иваномъ Кузьминымъ, бывшаго около того времени на Вѣткѣ по своимъ дѣламъ и рассказывавшаго по возвращеніи отъ

туда о встрѣчѣ тамъ съ Епифаніемъ и о томъ, что служить онъ тамъ въ монастырѣ обѣдни въ саккосѣ и омофорѣ. Такъ Кузьминъ показывалъ въ Кіевской духовной консисторіи „сказкою со свидѣтельствомъ“. А 27-го августа того же года и самъ Епифаній объявилъ о мѣстѣ своего пребыванія вышеприведеннымъ письмомъ къ архіеп. Рафаилу, написаннымъ еще 30-го марта на Вѣткѣ. Сущность этого письма, какъ мы видѣли, сводилась къ просьбѣ о ходатайствѣ предъ Св. Синодомъ со стороны архіепископа—„благодѣтеля“, о свободномъ пребываніи его по прежнему „въ каедрѣ Свято-Софійской“, какъ формулировалъ эту просьбу преосв. Рафаилъ въ своемъ доношеніи Св. Синоду. Вмеѣстѣ съ тѣмъ Епифаній рассказывалъ, что на Вѣтку попалъ не своею волею, а „насиліемъ“ взятъ Вѣтковскими старцами изъ какой-то полѣской раскольнической пустыни, куда онъ былъ завезенъ разбойниками, отбившими его отъ караульныхъ солдатъ въ Коломышнскомъ лѣсу, видимо съ согласія того человека, который изъ Москвы ѣхалъ за Епифаніемъ „путемъ“ и огласилъ его „персону“ разбойникамъ, переставшимъ съ того времени его „бити и мучить“. По поводу доношенія кіевского архіепископа Рафаила о письмѣ и мѣсто-пребываніи Епифанія на Вѣткѣ, Св. Синодъ, указомъ отъ 28-го октября, предписывалъ преосв. Рафаилу: „вышеозначеннаго бѣглеца, нынѣ въ Полеской области, въ подданствѣ Халецкаго, въ селѣ Вѣткѣ въ монастырѣ обрѣтающагося чернца Епифанія призвать въ Кіевъ, какимъ наилучше самымъ секретнымъ образомъ, съ пристойнымъ благосклоннаго къ нему снисхожденія обнаруживаніемъ, или какъ его преосвященство въ ономъ призывѣ его заблагоразсудитъ, токмо бѣ на Вѣткѣ въ монастырѣ, въ которомъ онъ нынѣ жителство имѣетъ, обрѣтающіеся чернцы и другіе Халецкаго подданные о томъ его призываніи никакъ извѣстны быть не могли: да и онъ бы, Епифаній, никому тамо не

разглашалъ, и оттолѣ, какъ возможно, чтобы выѣхалъ въ Кіевъ къ его преосвященству тайнымъ же образомъ, безъ всякаго опасенія и сумнительства. Когда же, по тому призыву, оной чернецъ, оттолѣ въ Кіевъ къ его преосвященству прибывъ, явится, тогда, обобравъ у него всякія письма (ежели какія явятся) и прочей скарбъ и, описавъ и запечатавъ, а его, Епифанія, заковавъ въ ножныя крѣпкія кандалы (чтобъ онъ, Епифаній, какъ и напередъ сего чинивалъ, утечки съ дороги учинить не могъ), прислать со всѣмъ скарбомъ, подъ добрымъ и крѣпкоосторожнымъ конвоемъ, въ Св. Правит. Синодъ“. Получивъ этотъ Синодскій указъ, архіепископъ Рафаилъ затруднялся исполненіемъ его, въ особенности потому, что не зналъ, какъ назвать Епифанія. Назвать архіереемъ онъ находилъ неприличнымъ и опаснымъ: „ибо, можетъ быть, что онъ, отъ своихъ суевѣрцевъ въ сумнительствѣ обрѣтается о поставленіи во епископа, по великой своей хитрости и коварству, единого требуетъ того, чтобъ ему, получивъ письмо съ написаніемъ титулы архіерейской, свидѣтельствовать собѣ быти архіерея и тѣмъ похвалиться, что и въ Кіевъ его призываютъ, а не написать въ письмѣ къ нему титулы архіерейской,—онъ придетъ въ сумнительство о своей надеждѣ и посланному къ нему изъ Кіева можетъ сдѣлать своимъ коварствомъ какую нибудь бѣду“.

Изъ дѣла Св. Синода 1734 г. „о поимкѣ въ селѣ Вѣткѣ, чрезъ посредство возвращающихся изъ Данцига войсковыхъ командъ, чернеца Епифанія, посланнаго подъ началъ въ Соловецкій монастырь за присвоеніе собѣ обманомъ епископскаго сана“, видно, что архіепископъ Рафаилъ, получивъ первое извѣстіе отъ добрянца Игнатія Кузьмина о мѣстопребываніи Епифанія на Вѣткѣ, обратился къ кіевскому генералъ-губернатору графу фонъ-Вейсбахъ съ требованіемъ, „дабы отъ его сіятельства указомъ было предложено,

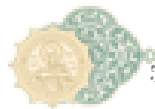
кому надлежитъ, чтобъ помянутой старецъ Епифаній былъ присланъ въ Кіевъ, для отсылки въ Св. Правит. Синодъ. И противъ де писанія его преосвященства въ отвѣтъ отъ его сіятельства генераль-губернатора, какое получилъ писаніе при томъ доношеніи его преосвященства, копія сообщена, въ которой объявлено: о присылкѣ де въ Кіевъ къ его преосвященству для отсылки въ Св. Синодъ, обрѣтающагося въ селѣ Вѣткѣ, бѣжавшаго изъ подлѣ караула, посланнаго въ, подначальство въ Соловецкой монастырь, черница Епифанія, указа ему, генераль-аншефту, послать не къ кому, понеже та Вѣтка отуду въ дальномъ разстояніи отстоятъ. Чего де ради писано отъ него, генерала-аншефта, въ Государственную Военную Коллегію, объявляя вышеписанные резоны: не повелить-ли оная Коллегія, по возвращеніи, имѣнѣ обрѣтающагося при Гданскѣ корпуса въ Россію, маршируя по способности, помянутого старца Епифанія во означенномъ селѣ Вѣткѣ взять и въ Св. Прав. Синодъ привести“ (И. с. п. и р. по вѣд. прав. исп., т. VIII, Спб. 1898 г., № 2827 стр. 269—270). Въ томъ же смыслѣ высказался и Св. Синодъ. Послѣдній, не имѣя возможности своими средствами уничтожить во всякомъ случаѣ вредную для православной церкви попытку старообрядцевъ—образовать у себя іерархическое устройство съ епископомъ во главѣ, въ лицѣ уже извѣстнаго намъ Епифанія Ревуцкаго, природнаго малоросіанина, торжественно принятаго на Вѣткѣ и опредѣленнаго „на архіерейское дѣйство“, обратился къ Военной Коллегіи съ такимъ же предложеніемъ, какъ и графъ Вейсбахъ. Въ свою очередь Военная Коллегія сообщила просьбу Синода Кабинету, который и отвѣтилъ, что Вѣтка находится въ дальнемъ разстояніи отъ пути слѣдованія корпуса, а потому большую команду послать туда трудно, малую же опасно; „ибо тамошніе жители могутъ за того старца стоять и командѣ весьма противиться“ (Опис. док. и д., хранящ. въ арх. Сип. т. IV, стр. 595). Такъ отвѣчалъ Кабинетъ на пред-

ложение Св. Синода Военной Коллегіи, не упомянувъ ни однимъ словомъ о правительственныхъ мѣрахъ, уже выработанныхъ и Высочайше апробованныхъ противъ зарубешныхъ бѣглецовъ и раскольниковъ. Именно, 31-го іюля 1734 г. былъ Высочайше апробованъ министерскій докладъ объ общихъ мѣрахъ силою возвратить русскихъ бѣглецовъ въ отечество изъ-за польскаго рубежа, въ томъ числѣ и съ Вѣтки. Еще раньше того ко всѣмъ отправленнымъ въ то время въ Польшу командирамъ русскихъ войскъ посланы были указы, чтобы они всячески подъ рукою навѣдывались о российскихъ бѣглецахъ, гдѣ и въ какихъ именно мѣстахъ они живутъ, и при томъ давалось знать, что если послѣдніе по опубликованнымъ всемилостивѣйшимъ манифестамъ не возвратятся, то чтобы, при выходѣ русскихъ войскъ изъ Польши, они были выгнаны силою и выведены въ Россію. Теперь, согласно министерскому докладу, снова было подтверждено особыми указами тѣмъ же командирамъ, чтобы они о тѣхъ бѣглецахъ всячески старались доподлинно развѣдать, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ и у кого больше они обрѣтаются, и въ томъ развѣдываніи съ крайнею осторожностью поступали, чтобы бѣглецы о томъ не могли дознаться и разойтись въ разные мѣста внутри Польши и къ Турецкой границѣ. По намѣченному плану дѣйствій предпологалось всѣхъ русскихъ бѣглецовъ, находящихся въ Польшѣ и Литвѣ, съ женами и съ дѣтьми и со всѣмъ ихъ имуществомъ вывести одновременно, при возвращеніи русскихъ войскъ изъ предѣловъ Польши. Въ то время въ Польшѣ находились два корпуса русскихъ войскъ: одинъ изъ нихъ стоялъ въ Литвѣ, другой на Волыни; первый долженъ былъ выводить бѣглецовъ къ Ригѣ и Смоленску, второй—къ Кіеву и другимъ тамошнимъ мѣстамъ по способности. Волынскому русскому корпусу поручалось захватить тѣхъ, которые поселились въ Волынскомъ Полѣсьи, а равно и тѣхъ, которые жили между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Относительно

собственно Вѣтковскихъ раскольниковъ предполагались иныя мѣры. На Вѣтку и въ другія не подалеку отъ нея находившіяся русскія расколыническія слободы проектировалось отправить особую команду, независимо отъ находившихся въ Польшѣ русскихъ войскъ, отъ Кіевского генералъ-губернатора Вейсбаха: „понеже другія войска отъ нихъ обрѣтаются въ дальнемъ разстояніи“. Эта послѣдняя команда должна была открыть свои дѣйствія нѣсколько раньше выхода изъ Польши російскихъ войскъ, въ виду близости къ русской границѣ Вѣтковскихъ слободъ. По собраннымъ въ то время Сенатомъ свѣдѣніямъ, общее количество русскихъ поселенцевъ-раскольниковъ на Вѣткѣ и въ другихъ близъ ея находившихся слободахъ опредѣлялось въ нѣсколько тысячъ дворовъ. Прежде открытія дѣйствій противъ Вѣтковскихъ раскольниковъ, Кіевскому генералъ-губернатору поручалось „подъ рукою въ томъ надлежащее учрежденіе и предуготовленіе учинить, и къ тѣмъ мѣстамъ поди другими претексты полкамъ приближаться такимъ образомъ, чтобы оныя всѣ мѣста, въ которыхъ тѣ бѣглецы жилища имѣютъ, вдругъ войсками окружены и они забраны и выведены были въ Россійскую сторону“. вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствующей командѣ поручалось, прежде вывода съ Вѣтки раскольниковъ, совершенно разорить ихъ заграничныя жилища, чтобы имъ впредь приближища къ поселенію не было. А бѣглецовъ предписывалось забирать „съ женками ихъ и съ дѣтьми и со всѣми пожитками, и со скотомъ, и съ хлѣбомъ, сколько на ихъ лошадяхъ поднять будетъ можно“, и по приведеніи въ русскіе города ихъ переписать, „чьихъ они вотчинъ, и которыхъ уѣздовъ и сколь давно бѣжали“ (П. С. З. № 6609).

Въ началѣ 1735 г. было приступлено къ фактическому осуществленію Высочайше апробованныхъ мѣръ къ возвращенію въ отечество русскихъ бѣглецовъ изъ-за польскаго рубежа, въ томъ числѣ и съ Вѣтки. Въ то время Польша

была такъ слаба, что ближайшіе ея сосѣди, Австрія, Пруссія и Россія не считали нужнымъ въ подобныхъ случаяхъ съ нею церемониться и входить въ какія либо дипломатическія сношенія. Согласно предначертаніямъ высшаго правительства, по распоряженію кіевскаго генераль-губернатора графа фонъ-Вейсбаха, организованъ былъ особый военный отрядъ, состоящій изъ пяти полковъ: драгунскаго Азовскаго полка, двухъ казацкихъ и двухъ тысячныхъ: Стародубскаго и Черниговскаго. Цѣль дѣйствій этого отряда состояла въ томъ, чтобы „очистить Вѣтку“ и сосѣднія съ нею слободы, населенныя великороссійскими бѣжными людьми, преимущественно раскольниками. Начальство надъ этимъ военнымъ отрядомъ было поручено полковнику Азовскаго драгунскаго полка Якову Григорьевичу Сытину, стоявшему съ своимъ полкомъ въ г. Стародубѣ. Съ конца февраля полковникъ Сытинъ приступилъ къ выполненію возложеннаго на него порученія относительно выгонки Вѣтковскихъ раскольниковъ, и перешелъ Польскую границу. Полки команды Сытина со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ двинулись къ Вѣткѣ и другимъ близъ ея находящимся раскольническимъ слободамъ, положеніе которыхъ было хорошо извѣстно Сытину, по собраннымъ о нихъ напередъ свѣдѣніямъ. Чтобы замаскировать настоящую цѣль похода, внезапно и разомъ захватить всѣхъ слобожанъ безъ изыятія, былъ нарочно не вѣрно объявленъ солдатамъ походъ въ Вѣдую Церковь, чтобы они раньше времени не разболтали настоящей цѣли похода. Хитрость удалась, Вѣтковскіе слобожане даже и не догадывались, что опасность для нихъ близка и неизбежна. Вѣтка дѣйствительно была окружена внезапно, а слобожане, захваченные върасплохъ, не оказали и не могли оказать никакого сопротивленія; къ церкви Вѣтковскаго Покровскаго монастыря былъ немедленно приставленъ военный караулъ, какъ и къ колымъ Вѣтковскихъ старцевъ. По словамъ Іоны Курносаго, только одному Елифанію предостав-

лена была нѣкоторая свобода, и съ нимъ будто бы обращались на первыхъ порахъ какъ съ дѣйствительнымъ епископомъ; мало того, по тому же свидѣтельству, при первой встрѣчѣ даже якобы самъ полковникъ Сытинъ подошелъ къ Епифанію подѣ благословеніе и ободрилъ пораженнаго вѣзпностью событія старообрядческаго епископа милості русской Императрицы. Простодушный Епифаній повѣрилъ словамъ полковника, перекрестился и сказалъ съ низкимъ поклономъ Сытину: „Слава Богу! Благодарю нашу всемілостивѣйшую Государыню и въ вѣкъ долженъ за нее Богъ молить“. Это было рано утромъ 1-го марта 1735 г. Вскорѣ послѣ того Епифанія подѣ конвоемъ, состоявшимъ изъ Азовскихъ драгунъ, подѣ командой поручика, отправили въ Кіевъ. Дорогой обращались съ нимъ хорошо; поручикъ солдаты называли его не иначе какъ преосвященнымъ. Добродушный Епифаній искренно полюбилъ поручика, и дерогой откровенно разговаривалъ съ нимъ о своемъ житіи бытіи у раскольниковъ, со слезами благодарилъ императрицу за то, что приказала она его выручить, по его вѣраженію, изъ того вертепа, въ которомъ онъ былъ два года яко Даниилъ во рвѣ львиномъ. Бѣднякъ и въ самомъ дѣлѣ былъ увѣренъ, что войска приходили въ Вѣтковскія слободы единственно „для его выручки“. Въ первыхъ числахъ марта привезъ его поручикъ въ Кіевъ. Здѣсь Епифанія посадили въ крѣпость „въ желѣзахъ“. Тутъ только увидалъ онъ, что не жить ему „свободно“ при Софійской кааедріи на что онъ такъ сильно надѣялся. Такое разочарованіе д того потрясло больного старика, что онъ слегъ въ постель и уже не вставалъ. 31-го марта онъ написалъ послѣднее письмо архіепископу Рафаилу. Испрашивая разрѣшеніе и принятіе св. тайнъ, Епифаній писалъ: „хотя онъ жилъ и Вѣткѣ по нуждѣ и всегда за карауломъ, однако вѣру, преданную отъ Христа апостоламъ... и Синодомъ утвержденную, содержалъ и не хулилъ; съ Вѣтковцами вмѣстѣ и

вдалъ“. Последнее желаніе Епифанія было удовлетворено архіепископомъ. Послѣ исповѣди, причащенія и маслоосвященія Епифаній умеръ 1-го апрѣля, и погребенъ при церкви св. Θεодосія въ Кіевопечерской крѣпости „простолюдиннымъ погребеніемъ“, по выраженію монаха Виталія. Такъ окончилась многопамятная жизнь Епифанія, исходившаго русскую землю отъ Дуная до Бѣлаго моря и пересидѣвшаго въ десяти тюрьмахъ, не считая пустыньки и Вѣтки, по замѣчанію П. И. Мельникова ¹⁾.

Долго и послѣ смерти Епифанія Св. Синодъ производилъ разслѣдованіе о его „архіерейскомъ дѣйствѣ“ на Вѣткѣ. Въ какомъ направленіи происходило это разслѣдованіе, показываетъ Синодскій указъ, отъ 21-го іюля 1735 г., Кіевскому и Галицкому архіепископу Рафаилу. Особенно интересовали Св. Синодъ два вопроса, а именно: 1) „въ како-

¹⁾ Мельниковъ (I, 187) и Журавлевъ относятъ смерть Епифанія къ 1-му іюня, а разгромъ Вѣтки къ 1-му апрѣля. На самомъ же дѣлѣ Вѣтка захвачена русскими войсками 1-го марта, а Епифаній умеръ 1-го апрѣля. Инокъ Виталій, согласно съ ходомъ выселенія съ Вѣтки раскольниковъ, говоритъ, что 1-го марта „чернецъ Епифаній на Вѣткѣ пойманъ, и марта въ первыхъ числахъ привезенъ въ Кіевопечерскую крѣпость, гдѣ и содержался подъ карауломъ въ желѣзахъ“, что яскорѣ по привозѣ въ Кіевъ онъ „занемогъ и по просьбѣ его чрезъ опредѣленнаго отъ его преосвященства духовника марта 31 дня исповѣданъ и св. таинъ приобщень и масломъ освященъ, а 1-го апрѣля умеръ, какъ и доносилъ въ Св. Синодъ кіевскій архіепископъ“. Стр. 86 об. То же подтверждается и официальными документами. 10-го апрѣля 1735 г. архіеп. Рафаилъ доносилъ Св. Синоду, что „самозванецъ, еп. Епифаній“, пойманный на Вѣткѣ полковникомъ Сытинымъ, въ первыхъ числахъ марта привезенъ въ Кіевопечерскую крѣпость, въ которой и умеръ 1-го апрѣля, напутствованный таинствами елеосвященія, покаянія и причащенія и „простолюдинскимъ погребеніемъ“ при церкви препод. Θεодосіа въ Кіевопечерской крѣпости погребенъ. Опис. док. и д., хранящ. въ арх. Св. Синода, IV, 495.

помъ именно дѣйствию оного, Епифаній, будучи на Вѣткѣ, обрѣтался?“ и 2) „кто имяны, по каковому чиноположенію рукоположены имъ діакопскій и священническій чинъ?“ (Журавлевъ А. І. Полн. ист. изв. о раск. ч. III, стр. 192. Мон. Виталій, л. 91 об.). Въ 1736 г. всѣ болѣе видные изъ захваченныхъ на Вѣткѣ во время „первой выгонки“ расколотителей, вмѣстѣ съ захваченнымъ вѣтковскимъ муромъ, книгами, иконами, церковной утварью, были высланы въ Св. Синодъ. Но болѣе части это были тѣ Вѣтковскіе пноки, которые принимали самое дѣятельное участіе въ пріемѣ на Вѣткѣ Епифанія какъ старообрядческаго епископа, и надѣялись, что отъ него у нихъ на Вѣткѣ „корень епископства возростетъ“. Осенью 1736 г. Вѣтковскій казначей Цавель, сидѣвшій за синодальнымъ карауломъ вмѣстѣ съ Высокопетровскимъ архимандритомъ Аввакумомъ Львовымъ, Торопецкимъ Пѣбинскимъ архим. Аврааміемъ и Нилоскимъ игуменомъ Аврааміемъ же, горько жаловался своимъ духовно-чиновнымъ сотоварищамъ по несчастью на своего быншаго Вѣтковского епископа Епифанія. Все у нихъ было мирно и спокойно за рубежомъ, пока не пришелъ тототъ бѣглець Епифаній, чуть ли и не оборванецъ. „Приняли его—нажили бѣды: нашли русскіе офицеры и солдаты, все забрали и церковь сожгли. Епифаній уже умеръ, да и насъ погубилъ“¹⁾.

Таковы официальные данные о пребываніи Епифанія на Вѣткѣ въ качествѣ старообрядческаго епископа и послѣдующей его судьбѣ. Обратимся теперь къ старообрядче-

¹⁾ Х. И. А. № 20556. Дѣло о высылкѣ Вѣтковскихъ учителей въ С.-Петербургъ. Опис. акт. арх. Марлевича, №№ 15 и 16. Чистовичъ И., Теофанъ Прокоповичъ и его время. Сборн. статей, читан. въ отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. V, стр. 663. Здѣсь Епифаній ошибочно названъ архимандритомъ, которымъ онъ никогда не былъ.

скимъ извѣстіямъ о пребываніи Епифанія на Вѣткѣ и отношеніи къ нему Вѣтковскихъ иноковъ и мірянъ.

На первыхъ порахъ на Вѣткѣ были очень рады попавшему къ нимъ дѣйствительному епископу, хотя и обманнымъ образомъ получившему этотъ высокій духовный санъ. Вѣтковский игуменъ Власій и всѣ тамошніе священноиноки и ридовые старцы сочувственно относились къ водворенію у нихъ Епифанія, такъ какъ надѣялись черезъ него тѣснѣе сплотить съ Вѣткой какъ мѣстныхъ старообрядцевъ, такъ и старообрядцевъ внутреннихъ русскихъ областей, въ особенности московскихъ и поволжскихъ. Происходившіе въ то время на Вѣткѣ такъ называемые „діаконовскіе споры“ значительно пошатнули духовный авторитетъ Вѣтковскихъ отцовъ. Объ этихъ спорахъ см. въ изслѣдованіи: „Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ въ XVII—XVIII вв.“, гл. VI, стр. 405—458. Діаконовщина въ это именно время значительно усилилась на счетъ Вѣтковского толка, какъ на самой Вѣткѣ и соседнихъ съ нею слободахъ, такъ и въ Стародубѣ. Были и другія вождедѣнія у Вѣтковцевъ болѣе низменнаго характера: одни, какъ игуменъ Власій, Варлаамъ Казанскій, казначей Павелъ рассчитывали на то, что при своемъ Вѣтковскомъ Епископѣ они непременно будутъ поставлены въ старообрядческіе епископы; другіе мечтали о священствѣ и соединенномъ съ нимъ вліятельномъ положеніи среди слобожанъ; наконецъ третьи были довольны и тѣмъ, что при архіерее монастырь ихъ больше прославится и разбогатѣетъ отъ приношеній какъ изъ внутренней Россіи, такъ и отъ зарубежныхъ старообрядцевъ. Но были и недовольные водвореніемъ Епифанія на Вѣткѣ, особенно среди тамошнихъ вліятельныхъ мірянъ. Многіе изъ нихъ боялись, дѣйствительно ли онъ епископъ и не обливанецъ ли. По свидѣтельству позднѣйшаго старообрядческаго „Сказанія о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древне-православной церкви священной іерар-

хѣи“..., написаннаго за границей, въ пресловутой Бѣлой Криницѣ, въ 1861 г., недовольство Епифаніемъ возникло на Вѣткѣ при самомъ появленіи его, такъ что многіе не хотѣли признавать Епифанія за епископа, „за что ихъ мучили и подъ колокольную сажали“ (Субботинъ Н. И. Происхожденіе Бѣлокриницкой іерархіи, стр. 23, примѣчаніе). Какъ бы то ни было, первый вопросъ—о епископствѣ Епифанія—рѣшался легко: для этого довольно было навести справки въ Кіевѣ и Яссахъ, что въ короткое время и сдѣлани посланные туда съ Вѣтки „вѣрные люди“. Не такъ легко рѣшался второй вопросъ, относительно котораго Вѣтковцы такъ и не могли узнать ничего положительнаго, кромѣ легкаго удостовѣренія самаго Епифанія, что онъ не обливанецъ. По словамъ Іоны Курногого, Епифаній еще въ Москвѣ наученъ былъ такъ отвѣчать о формѣ его крещенія. „Когда будутъ тебя вопрошать, како крещень, обливанъ ли или погружень, то скажи: „погружень“; а вопросятъ; ты какъ вѣдаешь? Скажи: малыя дѣти, на улицѣ играя, „утопленникомъ“ дразнили, и отецъ и мать сызмаленька дразнили „утопленникомъ“ (Мельниковъ, I, 120). Вопросъ о томъ, обливанъ ли Епифаній, или въ три погруженія крещень, былъ самымъ важнымъ для старообрядцовъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ его слѣдовало вновь крестить по практикѣ старообрядческой; вновь же крестившійся, по правиламъ вселенскихъ соборовъ, хиротоніи не сохраняетъ.

Вопросъ о времени пріема Епифанія на Вѣткѣ рѣшается нашими историками раскола обыкновенно согласно свидѣтельству Ивана Алексѣева, по словамъ котораго онъ былъ торжественно принять на Вѣткѣ въ старообрядчествѣ 6 го августа 1734 г., въ день Преображенія Господня. Стародубскій историкъ въ данномъ случаѣ дѣло представляетъ такъ, что Епифаній послѣ того какъ былъ отбить раскольниками въ Кономнинскомъ лѣсу, до пріема пробылъ *десять недѣль „въ нѣкихъ пустынькахъ“*, т. е. приблизительно

значить время съ конца мая по 6-е августа. Но онъ ошибается ровно на одинъ годъ, такъ какъ Епифаній по вполнѣ удостовѣренными даннымъ былъ отбитъ раскольниками или при посредствѣ раскольниковъ не въ 1734 г., а въ 1733 г. Изъ свѣдѣній же, доставленныхъ 12-го іюля 1734 г. кievскому архіепископу Рафаилу Заборовскому о пребываніи Епифанія на Вѣткѣ, оказывается, что Епифаній раньше іюля 1734 г. уже служилъ по архіерейски на Вѣткѣ въ саккосѣ и омофорѣ, что очевидно было невозможно раньше его „исправы“ и приѣма въ старообрядчество. На этомъ основаніи съ большею вѣроятностью можно утверждать, что онъ былъ принятъ 6-го августа 1733 г., а не 1734 г., какъ до сихъ поръ единогласно увѣрили насъ наши историки раскола, и что слѣдовательно онъ епископствовалъ на Вѣткѣ слишкомъ полтора года, а не нѣсколько только мѣсяцевъ, какъ до сихъ поръ полагали. Съ этимъ утвержденіемъ вполнѣ согласуется и то указаніе Ивана Алексѣева, автора извѣстной „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“, что Епифаній на Вѣткѣ „безъ великаго испытанія на архіерейское дѣйство былъ опредѣленъ“. Мнѣніе же П. И. Мельникова, что „справки“ о личности Епифанія собирались „болѣе года“, основанное только на новѣйшемъ утвержденіи Ивана Алексѣева, что Епифаній былъ принятъ на Вѣткѣ 6-го августа 1734 г., совершенно не мирится съ указанными данными и является вполнѣ голословнымъ¹⁾.

При появленіи Епифанія на Вѣткѣ былъ созванъ соборъ въ тамошнемъ Покровскомъ монастырѣ подъ предѣлательствомъ игумена Власія. На соборѣ засѣдали священноиноки и рядовые старцы съ нѣкоторыми изъ наиболѣе влія-

¹⁾ Лѣт. рус. лит. и древн., изд. Н. С. Тихонравовымъ, т. IV, Отд. III, Ист. о бѣгств. свящ. Ив. Алексѣева († 1755 г.), стр. 65. Ист. оч. попов. 1, 121—123. Ивановскій Н. И., Руков. по ист. и обл. старообр. раск. Ч. 1, стр. 114—115 и др.

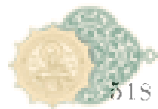
тельныхъ и сочувствующихъ дѣлу мірянъ. Изъ священно-инокѣвъ и инокѣвъ въ то время наиболѣе выдававшимися были: черныи попъ Іовъ, одинъ изъ самыхъ главныхъ расколоучителей и проповѣдниковъ старообрядства на Вѣткѣ, старшее тамъ духовное лицо, Макарій Артемьевъ, сынъ Поповъ, Варсонофій, Варлаамъ Казанскій, монахъ Серапіонъ, жившій въ пустынѣ, черныи дьяконъ Герасимъ, пономари—Исаія и Савва, казначей Павелъ и уставщикъ Зосима. На Вѣтковскомъ соборѣ разсуждали главнымъ образомъ о томъ, какъ и какимъ чиномъ принять Епифанія, и рѣшили: принявъ Епифанія, по „исправѣ“ и проклятій всѣхъ ересей, требовать, чтобы онъ рукоположилъ другого епископа, „да корень епископства возрастетъ“.

Торжественное принятіе Епифанія было назначено на 6-е августа. Въ самый Преображеневъ день черныи попъ Іовъ Тимоосевъ, 80 лѣтъ, привелъ передъ литургіей Епифанія къ „исправѣ“. Самое „дѣйство“ исправы происходило такъ: послѣ обычнаго старообрядческаго „начала“ (семь поклоновъ), Іовъ поставилъ Епифанія предъ церковію, „откровенну главу имуща“, и повелѣлъ ему „исповѣдаться явѣ и отрицаться, и укорити, и проклинати богомерзскую вѣру, въ ней же былъ, и вся законы ихъ и обычаи, въ нихъ же совратишася и осквернишася“. По тогдашней старообрядческой формулѣ „исправы“, которую читали въ XVIII в. принимаемые въ расколъ бѣглецы отъ великороссійской церкви пошы, Епифаній, въ присутствіи всего Вѣтковского духовенства и при огромномъ стеченіи народа, проклиналъ „отрекшихся Ісуса и почитающихъ его равноухимъ, вѣрующихъ во Ісуса и св. аллилуію тройственну четверящихъ“. Точно также проклиналъ „творящихъ развратно св. крещеніе, аще и во имя Отца и Сына и Св. Духа глаголютъ, но обаче крещаютъ водою во едино погруженіе, а трижды не погружаютъ, инии же только обливаютъ водою, и почитающихъ всякое омываніе крещеніемъ, а въ трехпогружительномъ

нужды нѣсть“. Проклиналъ не крестящихся „въ два перста, якоже и Христосъ“, и творящихъ „нѣкое благословеніе плтію персты, а Христомъ преданное двуперстное почитающихъ отъ нѣкоего черта изданнымъ“. Проклиналъ и „богоунавидимую и блуднаго образа пречестъ, еже остризати браду, но и всегда поощряющихъ остригати брады своя, и усы протинати постригалы и бритвами“. Въ заключеніе „исправы“ принимаемый епископъ прочелъ символъ вѣры „весь до конца трижды, Господи помилуй сто“, покаялся и прилагаяся благочестивому преданію св. отецъ. Затѣмъ Епифаній введенъ былъ въ алтарь Покровской церкви игуменомъ Власіемъ и инокомъ Варлаамомъ Казанскимъ, и, не выходя изъ церкви, соборнѣ отслужилъ какъ епископъ первую литургію по старопечатнымъ книгамъ¹⁾.

По словамъ инока Виталія, Епифаній, „получа паству Вѣтковцевъ, часто въ Покровской церкви литургисалъ, и поставилъ имъ въ то время 12 поповъ, всѣхъ черныхъ, по числу двупадесяти апостоловъ Христовыхъ, по вкусу бо ихъ: монашество любятъ. . и нѣсколько діяконовъ, также четцовъ и пѣвцовъ, и весь причетъ церковный, по ряду завелъ. Тамо бывшій Епифаній, за немѣніемъ мвѣра, для

1) Формула „исправы“, которую въ XVIII в. читали, принимаемые въ расколъ бѣглые отъ великороссійской церкви попы и въ 1733 г. Епифаній, нерѣдко приводится въ старообрядческихъ сборникахъ. Приведена она цѣликомъ и въ не разъ уже цитованномъ сочиненіи П. И. Мельникова изъ рукописнаго сборника конца XVIII в., писаннаго на Иргизѣ. Въ концѣ XVIII или началѣ XIX в. на Иргизѣ составлена была новая исправа, значительно отличающаяся отъ прежней Вѣтковской. Объ Иргизской исправѣ см. Рус. Вѣст. 1866 г., № 5, стр. 15—16. Ср. Дѣло департамента общихъ дѣлъ Мин. вн. дѣлъ 1838 г., № 96, лл. 4—9. Ср. также въ Сборн. для ист. старообрядчества, изд. Н. Поповымъ, т. I, ст. 6, *Чинъ оглашенія входящихъ въ „православную вѣру“*.

новокрещенныхъ новое сварить“ (л. 87). На Вѣткѣ всѣ духовныя лица радовались и много гордились тѣмъ, что имѣютъ наконецъ своего святителя и архипастыря. „Нельзя теперь про насъ сказать, что церковь наша хрома; всѣ три чина имѣемъ: и честное діаконство и боголюбивыхъ іереевъ и самаго преосвященнаго епископа“ говорили они. Вѣтковцы уже мечтали о томъ, что имъ удастся сдѣлать Епифанія архипастыремъ всего старообрядства, объединить черезъ него „все христіанство древняго благочестія“, какъ откровенно писали они въ Москву, на Керженецъ, въ Тверь, Торжокъ, Казань и другія мѣста. Однако начавшіяся по этому поводу сношенія между Вѣткой и старообрядцами внутренней Россіи привели еще къ большому ихъ раздѣленію между собою. Керженскіе, поволжскіе и уральскіе старообрядцы прежде другихъ отказались признать Епифанія за епископа старообрядства и писали Вѣтковцамъ, что они „къ совѣту ихъ пристати, яко Богу неугодну, не токмо не спасительну, но и народодушепагубну отказашась не соизволивше“, подозрѣвая Епифанія въ обливанствѣ (Іона Курносый). Сомнѣнія и разногласія относительно Епифанія были и въ другихъ раскольническихъ общинахъ; только тверскіе и тульскіе старообрядцы оказались безусловно согласными съ Вѣткой въ приемѣ Епифанія. Убѣдить московскихъ старообрядцевъ въ правильности архіерейства Епифаніева и такимъ образомъ подчинить Вѣткѣ вліятельную и богатую московскую раскольническую общину былъ посланъ съ Вѣтки извѣстный уже намъ инокъ Варлаамъ Казанскій, бывший и теперешній кандидатъ на епископство, имѣвшій большой вѣсъ у московскихъ и подмосковныхъ старообрядцевъ. Въ Москвѣ и около Москвы Варлаама знали и уважали какъ священника строгой, подвижнической жизни, какъ человѣка горячо преданнаго старымъ обрядамъ и „древнему благочестію“, вдобавокъ еще учительнаго, „преизящно философією и мудростію христіанскою украшен-

наго". Въ Москвѣ Варлаамъ водилъ съ собою пона Епифаніева поставленія, служилъ съ нимъ всенощныя и молебны по домамъ старообрядцевъ, всегда поминалъ на эктеніяхъ епископа Епифанія и горячо порицалъ, даже проклиналъ тѣхъ, кто выражалъ сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства и поставленныхъ имъ поповъ. Все это однако мало помогало дѣлу. И въ Москвѣ, и въ Гуслицяхъ явились сумнящіеся и зазирающіе Вѣтковцевъ; начали толковать даже о томъ, сохранилось-ли уже на Вѣткѣ „древлѣе благочестіе, не пошли-ли старообрядцы за рубежомъ широкимъ путемъ никоніанства?“ Главнымъ противникомъ Епифанія въ Москвѣ и Гуслицяхъ (приблизительно въ 80 верст. отъ Москвы) явился извѣстный Вѣтковскій инокъ—старецъ Аонасій, жившій тамъ съ первыхъ лѣтъ существованія Вѣтки въ качествѣ уставщика. Онъ прежде другихъ „возсидѣтельствовавъ“ и находилъ, что Епифаній „новыхъ догматовъ челоувѣкъ“, нарушитель „уставной службы“ въ Вѣтковской Покровской церкви и т. п. Появившись въ Москвѣ и Гуслицяхъ, Аонасій рассказывалъ о „злочиніи церковномъ“ на Вѣткѣ, называлъ Епифанія „вѣдомымъ обливанцемъ“, а поповъ его поставленія—„волками“. Еще большій соблазнъ произвело то обстоятельство, что пылкій Варлаамъ Казанскій, недовольный разсказами престарѣлаго Вѣтковского уставщика про Епифанія и его дѣйство на Вѣткѣ, разъ почти публично въ Гуслицяхъ избилъ его палкой за то, что онъ осмѣлился учить его духовныхъ дѣтей не ходить къ попамъ Епифаніева поставленія и называть ихъ волками, какъ и самаго Епифанія. Скоро молва о томъ распространилась по Москвѣ и по всей Гуслицкой окружности, какъ и по другимъ мѣстамъ, и вездѣ поселяла еще большее сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства¹⁾.

¹⁾ Гуслицкій промышленный районъ обнимаетъ мѣстность, лежащую по рр. Гуслицѣ, Черекѣ и ихъ притокамъ, въ Бого-

Что касается самой Вѣтки, то тамъ на первыхъ порахъ Епифаній пользовался повидимому нѣкоторымъ вліяніемъ. По словамъ инока Виталія, вскорѣ послѣ своего торжественнаго выступленія въ качествѣ старообрядческаго архіерея. „Епифаній началъ было поступать съ Вѣтковцами должнымъ начату порядкомъ; но какъ старообрядцы мужики больше имѣютъ привычку властвовать надъ духовенствомъ своимъ, нежели покоряться, то и несносно имъ показалось“. Между прочимъ тотъ же Виталій далѣе рассказываетъ, что уставщика Зосиму „Епифаній за *векерскую страсть плетми наказалъ, а другимъ за нійство и прочіе пороки строгость оказывалъ, чрезъ что отъ страстныхъ самовольцевъ тѣхъ не малую злобу и негодованіе навлекъ на себя*“. Въ числѣ этихъ „самовольцевъ“, особенно злобно и ненавистно относившихся къ Епифанію, Виталій называетъ казначея Павла и вышеупомянутаго уставщика Зосиму, въ особенности первого, которые „отъ того времени искали случая, какъ бы то пастырю своему несчастію учинить, что и сотворили не въ должномъ времени“. Интриганы, хороішо зная образъ жизни своего епископа и его взгляды, рѣшились покусить его и уличить въ неисполненіи положенныхъ правилъ принятаго имъ

родскомъ и Броницкомъ уѣздахъ Москов. губерніи и въ сосѣднихъ съ ними: Егорьевскомъ у. Рязан. губ. и Покровскомъ у. Владим. губ. и заключаетъ въ себѣ пространство въ 20 слишкомъ квадратныхъ верстъ. Жителей въ этомъ районѣ болѣе 20 тыс., изъ нихъ половина и теперь раскольниковъ. Главное средоточіе Гуслицкаго раскола составляютъ приходы Крестовоздвиженскій и Запоторскій. Здѣсь раскольники составляютъ почти сплошное населеніе, тогда какъ прочіе Гуслицкіе приходы состоятъ на половину изъ православныхъ и раскольниковъ. Расколъ здѣсь поддерживаютъ и распространяютъ не столько раскольническіе попы, сколько богатые фабриканты, напр. Морозовы. Такъ было и въ XVIII в., когда зарождалась еще промышленность здѣсь.

старообрядчества. Виталій такъ рассказываетъ объ этой интригѣ. „Епифаній имѣлъ у себя въ ногѣ жестокою болѣзнь, которую ничѣмъ не могъ излечить. Тогда келейники его выдумали къ гибели ему способъ такой: они обдарили лекаря, который, жидовинъ будучи, его лечилъ, чтобъ тотъ присовѣтовалъ Епифанію, по причинѣ непецѣльной болѣзни, постную пищу ему оставить и употреблять скоромную, что и дѣлають иногда по медицинскимъ примѣчаніямъ. Почему Епифаній, не зная такова подлога, а при томъ ни мало угождавъ старинцемъ своимъ, на то согласился. Тогда предатели, изготowi больному вареную курицу, на обѣдъ подали, а за келією нѣсколько пусторевнителей-стариковъ юбрали, чтобъ тѣми преступленіе Епифаніева открыть и удобнѣе его сана и чести лишить. Епифаній какъ только принялся за кушаніе, а подозрители оныя, вышедше въ келію, безчестно въ томъ его обличили, и за то отъ должности ему отказали“ (гл. 87—88). Нѣсколько иначе о томъ же самомъ казусѣ рассказываетъ Іона Курносый. Въ его разсказѣ, во-первыхъ, вовсе не фигурируетъ лекарь жидовинъ, при посредствѣ котораго по Виталію былъ соблазненъ Епифаній, а только келейникъ-бѣлецъ, взявшійся какъ бы про себя припасти „жареную курочку“, а не вареную. Во-вторыхъ, по разсказу Іоны Курносаго, когда вошли „пусторевнителі“, казначей Павелъ съ другими старцами, по знаку келейника-искусителя, въ келію Епифанія, занятаго запретнымъ лакомымъ блюдомъ, то только мелькомъ какъ бы взглянули на трапезу епископа, и ничего не сказавъ вышли, будто за надобностію какою приходили, не во время. А Епифаній, по словамъ того же Іоны Курносаго, какъ скоро они ушли, такъ пенялъ своему келейнику.

— Чтобы тебѣ дверь-то запереть, а ты не заперъ.

А келейникъ, какъ малаго ребенка, его успокаиваетъ

— Ничего, владыко святой, ты вѣдь больше ихъ,—они тебѣ не указъ.

По словамъ Іоны Курносого, казначей Павелъ съ прочими свидѣтелями соблазнительной трапезы Вѣтковскаго епископа не пустили дѣла въ огласку, продолжая далѣе слѣдить за нимъ, насколько онъ приверженъ къ старообрядству и его формамъ. Черезъ того же келейника-соблазнителя, вошедшаго въ довѣріе Епифанія, попало въ руки „пусторевнителней“ письмо послѣдняго къ кіевскимъ его родственникамъ, въ которомъ онъ писалъ, „какъ раскольники его оболестили, и какъ разбоємъ на пути отнять, и какъ въ Польшу его препроводили, и привезли до своихъ *еретическихъ вертеповъ*, гдѣ церковь ихъ и раскольнической монастырь и слобода жителей раскольниковъ. Учинили меня раскольники епископомъ, и поставили мнѣ по ихъ просьбѣ двѣнадцать поповъ и шесть діаконъ, чего душа моя раскольниковъ изъ младенчества ненавидѣла. Они же меня и возненавидѣли и держатъ подъ карауломъ. И не иное что помышляю собѣ отъ нихъ, токмо какъ смерти“ (Мельниковъ, I, 133—138). Такъ Вѣтковцы узнали, что Епифаній и перешелъ къ нимъ не по убѣжденію, и въ качествѣ старообрядческаго епископа считаетъ ихъ раскольниками и еретиками.

Чѣмъ далѣе жилъ Епифаній на Вѣткѣ, тѣмъ больше увеличивалось число его противниковъ. И не мудрено: онъ былъ совершенно чуждъ раскольниковъ, не могъ освоиться съ ихъ воззрѣніями, образомъ жизни и порядками, совершенно разъединявшими его съ новой его паствой. Онъ не только не обнаружилъ приверженности къ старообрядству, не только не хотѣлъ свykаться съ уставами старообрядцевъ и ихъ понятіями („ни мало угождалъ старинцемъ своимъ“, по словамъ Виталія), но тяготился и длинными церковными службами, и строгимъ соблюденіемъ постовъ, старообрядческою моралью и внѣшнимъ, наружнымъ только соблюденіемъ обрядности. По разсказу Іоны Курносого особенно обострились отношенія къ Епифанію по поводу того обстоя-

тельства, что онъ позволилъ себѣ при случаѣ назвать обливательное крещеніе „благочестивымъ“. Дѣло было такъ: два уніата, жившіе по сосѣдству съ Вѣткой, перешли въ расколъ, и, какъ обливанцы, по старообрядческой практикѣ перекрещены были старообрядческимъ попомъ въ три погруженія. По этому поводу Епифаній и позволилъ передъ перекрещенными высказаться такъ: „Благочестивое крещеніе отложили, раскольничьимъ крестились во второе. А первое то ваше развѣ не крещеніе было?“ Въ виду этого толки объ обливанствѣ Епифанія усилились и на Вѣткѣ и скоро сдѣлались всеобщимъ убѣжденіемъ.

Не менѣе соблазняло Вѣтковцевъ и старообрядцевъ другихъ фракцій и то, что Епифаній, по словамъ Виталія, „на вопросы безпоповцевъ и Вѣтковцевъ о Россійской церкви, и о триперстномъ сложеніи, и о новопечатныхъ книгахъ и проч., не стѣснялся и публично говорилъ: „все свято и все православно“ (л. 93).

Убѣдившись, что Епифаній „новыхъ догматовъ чловѣкъ“, Вѣтковцы, говоритъ Иванъ Алексѣевъ, „чувство пріивше, за епископа его не почтоша и отъ ставленныхъ имъ грамматы начаща отбирати: увѣдавъ же то прочіе поим, отбѣгоша съ грамматами въ разная мѣста, и доннѣ въ великой чести священная дѣйствуютъ“ (Ibidem., стр. 65). Не оказывая даже внѣшняго пастырскаго почтенія, противники стали называть Епифанія сущимъ еретикомъ, волкомъ, зашедшимъ въ овчарню Христову. Самымъ опаснымъ и свирѣпымъ противникомъ Епифанія среди Вѣтковскихъ слобожанъ былъ нѣкто Заверткинъ, недавній выходецъ съ Уральскихъ заводовъ, ревнитель „древняго благочестія“ и почитатель уставщика Аѳанасія. Онъ не стѣснялся всенародно съ своими сторонниками порицать Епифанія и Вѣтковскихъ отцовъ, державшихся еще принятаго ими епископа. Были и среди слобожанъ такіе, которые были преданы Епифанію. „И бысть, говоритъ Іона Курносый, мятежъ и

Труды Киевской дух. Академіи. Т. II. 1905 г.

молва на Вѣткѣ не мала: сталося раздѣленіе между собою у нихъ даже до драки“. Были и случаи увѣчья и даже смертоубійства между сторонниками и противниками Епифанія на Вѣткѣ. Дѣло дошло до того, что Заверткинъ и его сообщники грозили убить Епифанія, если онъ станетъ служить въ старообрядческой Покровской церкви: „за волосы его, пса, вытащу изъ св. алтаря, убью до смерти, только смѣй онъ служить“, кричалъ Заверткинъ публично въ монастырѣ и слободѣ. Увидѣли и Вѣтковскіе отцы, что они не дѣло сдѣлали, добывъ себѣ съ такими хлопотами и большими издержками не соответствующаго духу старообрядчества епископа, и потому въ концѣ концовъ „отлучили его отъ церковнаго священнодѣйствія до общаго всѣхъ отецъ соборнаго разбирательства“... Но этого „общаго соборнаго разбирательства“ такъ и не состоялось за послѣдовавшей первой Вѣтковской выгонкой и смертію Епифанія. Въ позднѣйшемъ „мирномъ соборномъ положеніи“ Епифановцевъ съ Вѣтковцами 13-го іюля 1780 г. (ш. 1) по этому поводу сказано такъ: „ради примиренія и истинныя любви Христовой другъ къ другу, бывшаго покойнаго епископа Епифанія, пріятаго на Вѣткѣ всѣмъ обществомъ и рукоположенныхъ имъ, Епифаніемъ, священниковъ, положили мы въ правосудіе Божіе; понеже отцами на Вѣткѣ, егда ево, Епифанія, и рукоположенныхъ имъ священниковъ отъ церковнаго священнодѣйствія отлучили до общаго всѣхъ отецъ соборнаго разбирательства, тогда вскорѣ сдѣлалась выгонка, и до днесь тако осталось безъ разбирательства... А о бывшаго онаго Епифанія дѣлахъ, омышленію подлежащихъ, чрезъ которыя многолѣтно происходили между нами свары съ обоихъ сторонъ, всякъ защищая свою сторону, дѣлалось о немъ препираніе, нынѣ вмѣнили мы быть за бесполезное и христіанству вредное“... (Лѣтоп. Вѣтков. церкви Якова Степанов. Бѣллева, л. 94 об.).

Не только на Вѣткѣ между слобожанами были сторонники Епифанія, но были и въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ, населенныхъ раскольниками, напр. въ м. Гомелѣ. Это мѣстечко, нынѣ уѣздный и довольно большой городъ Могилевской губерніи, въ 30 в. отъ Вѣтки, въ то время было уже довольно значительно населено великороссійскими раскольниками. Гомельскіе раскольники и численностью и богатствомъ даже превосходили собственно Вѣтковскихъ. Но Вѣтка преимуществовала и передъ Гомельской раскольнической общиной и передъ другими ей подобными своею церковію, и потому была какъ бы метрополіей всего русскаго поповщинскаго старообрядства. Когда на Вѣткѣ появился свой старообрядческій епископъ, богатые Гомельскіе раскольники, по его благословенію, устроили и у себя церковь во имя Преображенія Господня, по всемъ подобную Вѣтковской, и даже мечтали о томъ, чтобы сдѣлать свой Гомель резиденціей старообрядческаго епископа. Душою этой послѣдней мысли былъ повидимому извѣстный уже намъ Варлаамъ Казанскій, пользовавшійся въ Гомелѣ большимъ вліяніемъ и авторитетомъ: онъ жилъ въ Спасовой слободѣ, предмѣстьѣ Гомеля. Когда Вѣтковцы стали чуждаться поповъ и дьяконовъ Епифаніева рукоположенія, Гомельскіе раскольники приняли ихъ и усиленно звали самого Епифанія къ себѣ, предлагая за него Вѣтковцамъ значительную по тому времени сумму денегъ. „Не надо намъ никакихъ тысячъ“, говорили Вѣтковцы, „а Епифанія—обливанца не отдадимъ, грѣха на себя не примемъ, соблазна въ васъ не усилимъ, сказано бо въ священномъ писаніи: „горе тому человѣку, имъ же соблазнъ въ міръ пріидеть, унѣ тому человѣку да обѣсится камень жерновый о выю его и сверзится въ море“. И подъ такою клятвою самого Господа Іисуса Христа быть мы не хотимъ и обливанца еретика вамъ въ пастыри не отдадимъ“. Видимо Вѣтковцамъ не хотѣлось разстаться съ давно лелѣянною ими мыслию—полчи-

нить все русское и зарубежное старообрядство своему духовному влиянію и власти. Вражда по этому поводу между Вѣтковскими и Гомельскими старообрядцами доходила иногда до того, что сопровождалась и серьезными драками между ними, и Вѣтковцы держали злосчастнаго Епифанія въ его монастырской кельѣ, какъ въ тюрьмѣ, боясь, чтобы онъ не ушелъ отъ нихъ въ Гомель. Въ началѣ 1735 г. отношенія между соперниками были таковы, что Гомельскіе старообрядцы рѣшились вооруженною рукою захватить Епифанія на Вѣткѣ и привести въ Гомель, чтобы онъ въ наступающій великій четвертокъ (3-го апрѣля 1735 г.) сварилъ въ ихъ церкви муро, какъ слѣдовало по уставу. Въ этихъ видахъ 30-го марта, въ вербное воскресенье, собрались Гомельцы большой толпой и пошли на Вѣтку, чтобы вырвать оттуда Епифанія силою, но какъ разъ натолкнулись на полки Сытина, только что начавшіе приводить въ исполненіе Высочайше апробованный еще въ 1734 г. министерскій докладъ о мѣрахъ къ возвращенію изъ-за польскаго рубежа русскихъ бѣглецовъ и раскольниковъ, въ томъ числѣ съ Вѣтки и Гомеля. По словамъ Топы Курносаго, въ это время Гомельская старообрядческая церковь, освященная по всей вѣроятности Варлаамомъ Казанскимъ и названная Преображенской, была будто бы перевезена въ Стародубье по р. Сожу и поставлена въ 2 в. отъ слободы Клинцовъ; при ней, съ устройствомъ другой церкви во имя Николая Чудотворца, образовался Николупустынский старообрядческій монастырь, долгое время бывший вмѣстѣ съ слободой Клиндами центромъ Епифановскаго толка въ Стародубѣ. Эта-то перевезенная изъ Гомеля Преображенская церковь и была будто бы первою старообрядческою церковію въ стародубскихъ раскольниковыхъ слободахъ, если придавать вѣру разсказу указаннаго старообрядческаго историка конца XVIII в. о перевозкѣ ея изъ Гомеля и о *поставленіи около слободы Клинцовъ*. Тотъ же старообряд-

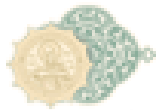
ческій историкъ рассказываетъ такъ: „Ону церковь сломаше, по совѣту неправильныхъ поповъ своихъ (т. е. рукоположенныхъ Епифаніемъ), Іоакима и священника Матвѣя, склавше плотами, по той же рѣцѣ (Сожу) приплавивше къ слободѣ, поставиша, какъ и на мѣстѣ стояла. И приспѣвшу времени священія, Іоакимъ попъ повелѣ съвятати сыну своему духовному Матвѣю. Онъ собравъ соборъ отъ обливанцевъ Епифаніева согласія, какъ и онѣ, Матвѣй, и съ ними оную церковь освятилъ и сталъ въ ней служить и пречистыя тайны совершать“. Оба указанные попы, бѣлый и черныи, вышли вмѣстѣ съ церковью изъ Гомеля и были рукоположены Епифаніемъ на Вѣткѣ. Никольская церковь была устроена рядомъ съ Преображенскою, но въ какомъ именно году—точно неизвѣстно. Лѣтописецъ Вѣтковской церкви Вѣлиевъ подѣ 1782 г. замѣчаетъ, что „октября 4-го освящена церковь въ Клинцахъ, называемая въ Пустынькахъ, во имя Преображенія Господня“ (л. 183 об.) и только. Въ связи съ сказаннымъ объ этой церкви Іоной Курносимъ это извѣстіе лѣтописца надо повидимому понимать такъ, что на мѣсто сгорѣвшей старой Гомельской церкви была выстроена новая и освящена 4-го октября 1782 г. Протоіерей Журавлевъ также довольно неопредѣленно говоритъ, что въ Никольскомъ Пустынскомъ монастырѣ было двѣ церкви—Преображенская и Никольская (стр. 280), и не дѣлаетъ никакихъ указаній относительно времени ихъ устройства. Преображенская церковь въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. была красивой пятиглавою церковью съ хорошенькой колокольною, щеголявшею боевыми часами. Строителемъ Никольской церкви былъ игуменъ Никола, родившійся въ 1700 г. и умершій въ 1809 г., какъ гласитъ надпись на его надгробномъ памятникѣ на кладбищѣ монастыря; „Въ 1809 году умеръ игуменъ Никола, бывшій Никита Игнатъевъ (Матвѣевъ?), донской козакъ, родившійся въ 1700 г. Жилъ 109 лѣтъ, а игуменомъ былъ 65 лѣтъ“. Впрочемъ хроноло-

гическія указанія надгробнаго памятника значительно разногласятъ съ показаніями Ревизкой сказки 1795 г., находящейся въ Клинцовой ратушѣ, гдѣ о игуменѣ Преображенской пустыни Николѣ замѣчено: „Никола, въ бѣличествѣ Никита Матвѣевъ Поляковъ, 78 лѣтъ“¹⁾. Последнимъ попомъ Елифаніева поставленія въ Клинцахъ былъ поппъ Іяковъ, дожившій здѣсь до глубокой старости, именно до 1780 г., а не до 1790 г., какъ говоритъ въ одномъ случаѣ Мельниковъ (стр. 149). Онъ пользовался значительнымъ духовнымъ вліяніемъ не только среди мѣстныхъ слободскихъ Елифановцевъ, но и среди зарубежныхъ и болѣе отдаленныхъ почитателей злосчастнаго перваго старообрядческаго епископа, и даже большимъ уваженіемъ, чѣмъ самъ Епифаній, епископъ „древняго благочестія“, какъ замѣчается въ одномъ мѣстѣ Вѣтковской лѣтописи Вѣляева. Извѣстно, что попы Елифаніева поставленія во второй половинѣ XVIII в. цѣвали по немъ панихиды и считали даже его мученикомъ, крѣпко стоявшимъ за старую вѣру. Извѣстно и то, что еще въ концѣ XVIII в. калужскіе купцы Елифаніева толка присылали въ Клинцы милостыню, а въ бытность свою въ

¹⁾ Преображенская церковь сгорѣла въ 1835 г., а Никольская въ 1880 г.; послѣ въ трапезной устроена другая, также въ честь Николы. Въ 1850 г. обозрѣвавшій Стародубскіе старообрядческіе монастыри извѣстный ученый статистикъ К. И. Арсеньевъ писалъ о Никольско-Пустынскомъ монастырѣ: „Монастырь Никольскій, въ 2 вер. отъ Клинцовъ, не пользуется никакимъ уваженіемъ окрестныхъ жителей; въ немъ живетъ 6 монаховъ и 12 бѣльцовъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ, отъ 60 до 70 лѣтъ, одинъ только инокъ 46 лѣтъ и обличенъ въ блудной жизни и прижитіи дѣтей; другой, казначей монастыря, обманываетъ убогихъ стариковъ и употребляетъ монастырскіе доходы преимущественно на свое семейство къ посадѣ Клинцахъ. Монастырь этотъ болѣе походитъ на богадѣльню, чѣмъ на обитель инокъ“. Мельниковъ, I, 149—150. Срав. отзывъ о немъ же протоіерея Т. А. Верховскаго. Стародубье. I, 148—149.

Клинцахъ служили здѣсь панихиды по Епифанію и Іаковѣ, и даже болѣе по послѣднемъ, чѣмъ по первомъ. По словамъ Лѣтописи Вѣтковской церкви, Епифановскій поцъ Іаковъ пользовался среди Епифановцевъ, такимъ же положеніемъ, какъ слободскіе попы Вѣтковского согласія—Іаковъ Климовскій и болѣе пзвѣстный Михайлъ Калмыкъ, которые были въ слободахъ „за великихъ архіереевъ“ и „весьма имъ фортуна служила: по доброй тысящи въ годъ приходило“. По его же словамъ, „какъ въ слободахъ, такъ и заграницею монастыри и скиты были болѣе Епифанова секту, также и въ городахъ—Калугѣ, Бѣлевѣ и въ прочихъ мѣстахъ тысящъ до 10,000 находилось“... Въ нѣкоторыхъ старообрядческихъ синодикахъ попадаетъ имя Епифанія рядомъ съ именемъ епископа Павла Коломенскаго и др. (Мельниковъ, I, 149—150. Срав. Лѣтоп. Вѣтковской церкви, лл. 85, 94—98, 133 и др.).

Почитавшіе память Епифанія, принимавшіе поповъ его рукоположенія и представлявшіе Епифанія великимъ святителемъ, положившимъ душу свою за овцы своя, мученикомъ и страдальцемъ за „древнее благочестіе“ и старый обрядъ, были извѣстны подъ именемъ *Епифановцевъ* или *Епифановщины*, какъ особой фракціи поповщинскаго раскола. Противники Епифанія, напротивъ, приравнивали его самого къ Арію еретику и общенія съ епифановцами не имѣли. Еще сильнѣе были укоризны и нареканія на Епифанія и его приверженцевъ со стороны безпоповщинскихъ раскольниковъ, напр. Ивана Алексѣева, стародубскаго безпоповщинскаго старообрядческаго историка, автора извѣстной „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“ (первой). Многие, самые искренніе приверженцы Епифанія и поставленныхъ имъ поповъ, спустя нѣкоторое время стыдились сознаваться, что принадлежали къ Епифановцамъ, благодаря сильнымъ укоризнамъ со стороны противниковъ. Доставалось при этомъ и Вѣтковцамъ. Въ извѣстномъ раскольниковомъ

сатирическомъ произведеніи второй половины XVIII в.: „Альфа и Омега въ семитолоковомъ Апокалипсисѣ прореченная, отъ нею же нѣчто на исправленіе прорекъ сущимъ въ Асїи Малороссійской“, написанномъ приблизительно въ восьмидесятихъ годахъ XVIII в., заключается между прочимъ слѣдующій прямой и ѣдкій укоръ Вѣткѣ „Ангелу Вѣтковскія церкви напиши: вѣмъ твоя дѣла, яко ни студень еси, ни теплъ, сего ради изbleвати тѣ имамъ, зане егда держался еси благочестія лавры Кіева и догматовъ Аввакумовыхъ, то стяжалъ еси себѣ епископа и владыку, и пожалъ еси, идѣже не сѣялъ. Но егда вознесся еси паче Капернаума, то и низпалъ еси, яко же блудница онаѣ Вавилонская, отъ вина же ея любодѣнія упишася Никоніане и языцы мнози. Но и ты исполнитъ еси мѣру ихъ, чего ради отнята бысть благодать твоя и переселена бысть во обитель Климовскую (на-мекъ не на перепесеніе первой раскольниковской Вѣтковской Покровской церкви 1735 г. въ Стародубскую слободу Климову, какъ полагаетъ Мельниковъ, стр. 153, а второй, послѣ выгонки раскольниковъ съ Вѣтки при Екатеринѣ II), иже есть новый Іерусалимъ. И ты убо притецы и припади къ сосуду моему избранному, Михаилу блаженному (попу Михаилу Калмыку, жившему въ Климовскомъ Покровскомъ монастырѣ), да спасешия отъ недуга своего и исцѣлиши. Имѣй уши слышати, да слышитъ“ ¹⁾. Не менѣе рѣзко от-

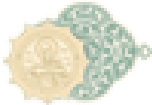
¹⁾ Мельниковъ, I, 152—153. См. *Альфу и Омегу* въ рукописи Кіев. дух. Акад. Высокопреосвященнаго Макарія (О. 4^о. 93) въ приложеніи къ *Синаксарю Богоспасаемаю монастыря Покровскаго Климовскаго, нареченнаго въ преселеніи Вавилонскомъ, сирѣчь изъ Вѣтки, новопечерскимъ кіевскимъ, о страдальческихъ подвигахъ православныхъ христіанъ* (лл. 19—21). У Мельникова отнесено къ Вѣтковской церкви мѣсто изъ *Альфы и Омеги* приведено съ неисправнаго списка, отъ чего и встрѣчаются неисправности и неясности, напр. „исѣялъ еси, идѣже не сѣялъ“ вм. „пожалъ еси, идѣже не сѣялъ“. Синаксарь вмѣстѣ съ *Альфой* и

звался о Епифаніи и попахъ епифановскихъ Іона Курносый въ послѣдней четверти XVIII в. „Нынѣшніе епифаняне попы и послѣдующіе имъ и по нынѣ, исчезнувшу Епифанію въ отстутствіи, вѣру къ нему мертвому душою и тѣломъ, яко аріане Арію, въ проходѣ пораженну, главу въ порты забиту, вѣру храняху, сице епифаняне къ Епифанію. А понеже отцы наши (т. е. Керженскіе) до пріему Епифаніева Вѣтковскихъ поповъ согласіи отказашеся, и причастіа ихъ служенія пріимати отрекошася, и во время требованія совѣта къ пріятію Епифанія отказашася, и общимъ совѣтомъ положиша—ѣздящимъ въ Москву къ попамъ Московскимъ подъ руку ко благословенію не ходити и во время служенія ихъ за службу молитися не ходити, ни съ дѣтьми ихъ духовными ни ясти, ни пити, ни молитися, якоже и было, и быти неотложно сему узаконенію держану твердо быти. Но понеже, яко же пишется, пастыремъ о овцахъ небреженіе и людское ко священникомъ непокорства належаіе, зане вси по своей волѣ ходятъ, особливо здѣшній народъ, не хочетъ время платевное признавати—время опасное, сѣтовное. Пользувахомся священствомъ, священниками, священноиноками, и иноками честными и инокинями, глубокою старостію и сѣдинами и разумомъ духовнымъ украшенными, егда была священноинокъ Никифоръ, священноіерей Іоаннъ..., но много разнства видится отъ тогда бывшихъ священниковъ и отъ сущихъ нынѣ. Тѣи сами не хотяще своя души погубити, знавшие премѣну благочестія, оставляюще приходы, приходяще ко священнопопамъ, священникамъ и инокамъ, хотяще токмо при нихъ спасти своя души, а не ластвити, учитися, и не учить, и по усмотрѣнію отецъ умоляеми, народныя ради пользы и принуждаеми нужды ради спасительная исправлять, и не хотяще, а ны-

Омегой напечатанъ В. Кельсѣевымъ, во 2 вып. его „Сборн. правит. свѣдѣній о раскольникахъ“. Лондонъ. 1861 г., стр. 221—244.

нѣшнихъ посылають искати яко на положенное и припасенное. Сыскавъ умоляемъ: „поѣдемъ, речемъ имъ,—видно скудное житіе твое, у насъ и тысеци нажить можешь“. И привезши соборuemъ, како исправимъ. И аще мы во глубокой старости ищемъ ихъ по подобію, яко по чужимъ житицамъ не зерны, но охоботіе и паздеріе собираемъ, а младыя дѣти гдѣ получать будутъ и сыскивати, что не отъ обливанцевъ? Всѣ говоримъ: „невозможно безъ пона быти, Господь не умираетъ и священство его не перестаетъ“. Подлинно у епифановщины не перестанетъ. Почто престать? Вся вселенная полна поповъ, не токмо поповъ, но и большаго чина всякаго и лна вселенная, церковнаго причта“ (Ibidem., стр. 153—155). По словамъ инока Виталія, „Епифаній былъ болѣе согласенъ къ папешемъ и унѣятомъ, нежели къ старообрядцемъ. Видно имъ такой и надо, абы поповъ болѣе наставилъ, и нынѣ у нихъ есть пословица: „хотъ чортъ, дабы попъ“. Правду священномученикъ Кипріянь пишетъ: „не возмаетъ вѣтръ пшеницы, но плевелы“ (стр. 93 об.).

Между тѣмъ въ австрійско-буковинской старообрядческой литературѣ второй половины XIX в., или такъ называемой Бѣлокриницкой, Епифанія представляютъ великимъ святителемъ, мученикомъ и страдальцемъ за „древнее благочестіе“ и старый обрядъ, ни мало не соблазняясь его обливанствомъ, такъ много смущавшимъ старообрядцевъ XVIII в. Авторъ „Сказанія вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древнеправославной церкви священнической іерархіи и утвърденія въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся“ (1861 г.), сторонникъ Бѣлокриницкой или австрійской старообрядческой іерархіи (съ 1846 г.), такъ рассказываетъ о Епифаніи какъ старообрядческомъ епископѣ. „Рукоположенный въ Молдовлахіи Яскимъ митрополитомъ Автономъ въ 1724 г., епископъ Епифаній обратился въ нашу православную вѣру, и по общему всѣхъ Вѣтковскихъ христіанъ согласію, принять былъ въ Покровскомъ монастырѣ,

что на Вѣткѣ, священникомъ Іовомъ, въ лѣто 723 г. И по принятіи еп. Епифаній совершилъ божественную литургію и отправлялъ святительскую должность: онъ рукоположилъ до 14 человекъ въ священнослужители, то есть въ попы и дьяконы. Но какъ только разнесся объ этомъ слухъ, то вдругъ на сего православнаго епископа наведено было со стороны правительства строжайшее преслѣдованіе, онъ былъ взятъ и послѣ разныхъ предварительныхъ послѣдствій скончался въ Кіевѣ. Рукоположенные же имъ священники дѣйствовали даже до конца жизни“.

Таковы официальные и старообрядческія извѣстія о первомъ Вѣтковскомъ старообрядческомъ епископѣ XVIII в. Епифаніи Ревуцкомъ *).

М. Лилеевъ.

*) Продолженіе слѣдуетъ.